

ЮСТИНИАН

Сергей
Дашков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Сергей Борисович Дашков
Юстиниан
Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1749

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69543478
Юстиниан / Сергей Дашков: Молодая гвардия; Москва; 2023
ISBN 978-5-235-04761-7

Аннотация

Очередной том серии посвящен императору Юстиниану I, правившему Византийской державой в середине VI века. Автор в увлекательной, отчасти беллетризованной форме повествует о трудах и свершениях одного из самых замечательных правителей в истории раннего Средневековья. Строитель Святой Софии, создатель свода законов, заложившего основы всего европейского законодательства, он ценой невероятного напряжения сил сумел восстановить былое могущество Римской империи, поставив под власть Константинополя Италию, часть Испании, Северную Африку. Как показывает автор, жизнь Юстиниана – яркий пример того, как энергичный, работоспособный и одаренный человек творит историю мира.

В книге представлен сжатый очерк истории Византийской империи до Юстиниана, показаны многие черты быта

византийцев, даны яркие портреты современников императора – его супруги Феодоры, сумевшей подняться к вершинам власти с самых низов общества; блестящего полководца Велисария; историка Прокопия Кесарийского, исполненного тайной ненависти к императорской чете, а также многих других.

Содержание

Предисловие	9
Римская империя до Юстиниана	18
Западная Римская империя	41
Восточная Римская империя	63
Юстиниан: жизнь и дела	80
Раннее детство: 482—489	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сергей Дашков

Юстиниан

ВЫПУСК

1949

Жизнь замечательных людей

© Дашков С. Б., 2018

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2018

Предисловие

Писать эту книгу было нелегко.

Во-первых, никогда наперед не знаешь, какой читатель откроет твой труд. Будет это некто искушенный в знании о прошлом и желающий лишь проверить текст на наличие фактических ошибок? Не исключено. Или человек, для которого история Византии ограничилась (увы!) школьной программой? Тоже вероятно. Это может быть юноша, жадно любопытный ко всему новому, и некто зрелый, за долгие годы привыкший не удивляться даже самым невероятным поворотам событий. Книга может попасть как в руки любителя художественного слова, так и к ценителю исторического факта, для которого повествование должно быть сжатым и сухим. «Риторике, – наставлял главный писатель Юстинианова времени Прокопий Кесарийский, – подобает красноречие, поэзии – вымысел, истории – истина». Хорошо бы создать текст, подходящий абсолютно всем, но это нереально: жанр «ЖЗЛ» смешанный, а текст – один!

Во-вторых, рассказ о людях неоднозначных простым не бывает – ведь практически любой факт их биографии можно интерпретировать с разных точек зрения. И дело здесь не только в том, что каждый мыслит по-своему. Мировоззрение человека с годами меняется. Так, я сам в 25 лет Юстинианом восхищался, но повзрослев, вряд ли выражу свое отношение

к нему словом «восхищение».

В-третьих, о Юстиниане написано чрезвычайно много. Один лишь список первоисточников – это десятки произведений на разных языках (греческом, латыни, сирийском, армянском, персидском, арабском и т. д.). Еще обширнее литература, созданная исследователями Нового времени. Что, в каком объеме взять для сплетения нитей, из которых будет соткана ткань рассказа? В любом случае объять необъятное не получится: какие-то моменты будут неминуемо упущены, с чем-то не согласится тот или иной профессионал. Мемуаров Юстиниан не оставил. Да, сохранились законы, которые он либо писал, либо читал и подписывал. Их много, и они весьма содержательны. Однако для характеристики Юстиниана ими следует пользоваться весьма и весьма осторожно: высказанное в них – это, скорее, не его образ мыслей, но *то, как он хотел, чтобы о нем думали, что он так думает*. А главное, это *описание необходимого*, величественное царское «θέλω και βούλομαι» («[так] хочу и [так] постановляю»). Тем не менее определенное впечатление об императоре эти тексты дают: в них чувствуется личность. Все это усложняло задачу, вынуждая избегать двух ловушек: превратить биографию человека в описание свершений государства при нем или фантазировать, реконструируя события по источникам.

В-четвертых, книга писалась для российской серии, а наше общество до сих пор не пришло к единому мнению о

том, что *для нас* Византия. Для одних это объект благоговения, для других – негодования. Одни видят в Византии истоки духовных смыслов, другие полагают, что византийское наследие ограничилось для нас заимствованием лишь внешних элементов церемониала. Оценки – полярны, мнения – диаметрально противоположны, и длится этот спор как минимум полтора столетия. Петр Чаадаев и Тимофей Грановский, Алексей Хомяков и Константин Леонтьев, Федор Тютчев и Максимилиан Волошин, Иосиф Бродский и Сергей Аверинцев, Александр Дугин и Сергей Иванов, Андрей Домановский и митрополит Тихон (Шевкунов)... Перечислять «разномыслящих искусных» в оценках Византии можно долго. Юстиниан же остается, наверное, самым «византийским византийцем» для российского образованного читателя.

Немалые терзания были связаны и с выбором принципа повествования. Первое, что приходило в голову, – систематизировать многочисленные деяния Юстиниана и рассказать о его жизни в привязке к ним: внешняя и внутренняя политика, войны, религия. Однако при таком подходе жизнь замечательного человека больше напоминает главу из учебника истории. Кроме того, так уже сделал Шарль Диль, чей труд о Юстиниане – классика. В итоге было выбрано построение по временным отрезкам. Это позволяет увидеть, какие задачи император решал более или менее одномоментно, но насыщенность повествования событиями получается неравномерной.

И так далее и так далее...

Одним словом, уважаемый читатель, прошу меня извинить, если не получилось безупречно. Как сказали бы во времена Юстиниана, *cetera desiderantur*¹.

Но я старался.

* * *

Юстиниан пришел в этот мир через несколько лет после того, как Западная Римская империя растворилась в варварском мире, словно кусок сахара в кипятке. Сейчас принято говорить о ее «падении», но современники вряд ли считали эпохальными событиями низложение последнего императора Ромула, смерть изгнанника Юлия Непота² и даже последующую отправку знаков императорской власти из Италии в Константинополь. В отличие от, скажем, взятия Рима готами в 410 году или вандалами в 455-м, что произвело действительно шокирующее впечатление.

Дело в том, что императорская власть на Западе исчезла не сразу. Мятежи узурпаторов и убийства императоров на фоне замещения дряхлеющей старой власти новой, варварской, отличали весь беспокойный V век³. В течение же третьей его четверти носители громкого императорского титула превратились в марионеток, от имени которых правили всякие герулы, бургунды, свевы и им подобные. И вот настал

день, когда необходимость в императоре отпала даже для соблюдения традиции⁴.

В общем, к моменту, когда Юстиниан родился, западная часть римского колосса представляла собой конгломерат варварских королевств. На их территории постепенно смешивались носители старой культуры (чьим языком в основном была латынь) и варвары – как пришедшие совсем недавно, так и успевшие там пожить одно, два, а то и три поколения. Однако полностью Римское государство не исчезло: покачиваясь под ударами внешних врагов и мучаясь от недугов внутренних, всё же стоял Восток со столицей в Константинополе. Нам привычнее называть его Византией.

Придя к власти в 527 году, Юстиниан остановил и повернул вспять жизнь всего Средиземноморья. К моменту, когда он умер, империя снова владела Италией, частью Испании, Северной Африкой. Однако византийцы не смогли удержать свои завоевания даже в течение двух столетий и, шаг за шагом, их утратили. Более того: жертвы (прежде всего людские) и разрушения, которыми сопровождалось «освобождение» с Востока, оказались такими значительными, что земли эти в своем развитии отстали. А вот Галлия, вернуть которую византийцы даже не попытались, вышла вперед и в конечном итоге как административно, так и культурно сформировала средневековую Европу: через государство Каролингов.

Помимо завоеваний Юстиниан оставил после себя иные свидетельства своих грандиозных устремлений – построй-

ки. Никогда строительство в империи не было столь масштабным. За период правления Юстиниана (527–565) на всей территории страны, от Далмации до Сирии и Армении, от Италии до Триполитании и Египта, были укреплены стенами, перестроены или возведены заново многочисленные большие и малые города. Это не говоря об отдельно взятых постройках – а какими они были! Даже если бы от всего сооруженного его велением осталась лишь Святая София в Константинополе, за нее одну Юстиниана следовало бы чтить вечно. Превращенная мусульманами в мечеть, а в 1934 году ставшая музеем, она является и символом Города, и символом Византии.

Созданный по инициативе Юстиниана (а в части конституций – непосредственно им) свод римского права стал итогом более чем тысячелетней законотворческой деятельности римлян и заложил основы всего европейского гражданского законодательства. Причем не только средневекового: наработки юристов VI века в той или иной степени использовали юристы, готовившие «Кодекс Наполеона». А ведь это 1804 год!

Деятельность Юстиниана в религиозной сфере – еще один важный фактор, на столетия вперед определивший развитие нашей цивилизации. И то, что упорные попытки царя примирить монофиситство с ортодоксией не принесли ожидаемых плодов, не помешало православной церкви признать его святым.

Трагедия Юстиниана заключалась в том, что он прекрасно осознавал, каких огромных материальных, а главное – людских ресурсов потребовали его начинания. Войны, затеянные им, вкупе со случившейся в 542 году эпидемией чумы обескровили империю. К моменту смерти василевса завоевания в Италии буквально висели на волоске: туда двинулись лангобарды. На северо-восточные границы усилилось давление со стороны новых варваров – славян, антов, и противопоставить им было нечего; эти свирепые племена порой бесчинствовали прямо у стен Константинополя. Что же касается внутренней политики, то в народе многие считали императора злобным демоном, потрясшим самые основы государства и потопившим в крови многие народные волнения. Одно только восстание «Ника», закончившееся в январе 532 года, стоило жизни тысячам столичных жителей!

Юстиниан был умным человеком. Скорее всего, на закате жизни он задавался вопросами: верно ли правил? что из сделанного можно было устроить лучше? что из возможного к свершению осталось несвершенным? О том, как отвечал он себе на эти вопросы, нам остается лишь гадать. Зато мы знаем наверняка: за всю дальнейшую историю (а это девять веков!) Византия не знала второго периода, столь же масштабного в плане преобразований и их последствий.

Жизнь Юстиниана – пример того, как энергичный, работоспособный и одаренный человек творит историю мира.

Несколько слов не о Юстиниане.

Греческие термины и имена в авторском тексте приводятся в основном по рейхлиновой системе⁵ (за исключением слов явно латинского происхождения или случаев, когда иная транскрипция общеупотребительна). В цитатах же сохранено оригинальное написание, что ведет к определенному разнообразию.

При спорных датировках предпочтение отдавалось «Оксфордскому словарю Византии» А. П. Каждана и современной «Православной энциклопедии».

Большая часть фотоматериалов сделана автором (кроме специально оговоренных случаев).

Фотографии монет сделаны В. В. Артевым, панно в люнете Вестибюля воинов собора Святой Софии – К. А. Перовым.

Выверку большинства цитат произвел Д. Е. Гончаров.

Благодарю за помощь в разрешении некоторых спорных вопросов старшего научного сотрудника Музея Востока М. Н. Бутырского и доктора исторических наук профессора С. А. Иванова.

Неоценимую помощь оказала мне Элла Олеговна Шиманская, замечания которой к первоначальному тексту рукописи я постарался учесть.

Я также благодарен доктору исторических наук профессору Александре Алексеевне Чекаловой, с которой ранее неоднократно советовался. Эта книга написана уже после ее ухода, но с благоговейной памятью о ней.

Римская империя до Юстиниана

Стоял апрель 1934 года. В Стамбуле было теплее обычного. У мечети Айя-София⁶, по декрету президента Кемаля Ататюрка недавно превращенной в музей, отцветающие магнолии наполняли воздух слегка навязчивым, но приятным ароматом. В один из дней рабочие собрали над северо-западным входом металлические леса, подводя их к нише над дверями в нартекс. На следующее утро двое ассистентов по команде Томаса Уиттмора, изящно одетого американца с худым вытянутым лицом, начали снимать штукатурку с узором, почти век назад положенную сюда по приказу султана Абдулмеджида. Когда под очередным отвалившимся куском блеснула смальта, еще мутная от извести, стоявший рядом с Уиттмором молодой человек – русский эмигрант Анатолий Фролов (несмотря на возраст, один из лучших искусствоведов того времени) – решительно полез наверх.

Задрал голову так, что неизменная мягкая черная шляпа еле держалась на затылке, Уиттмор почти приплясывал от нетерпения:

– Есть? Есть? Она там? Ну? Анатоль, вы нашли ее?

Фролов водил рукой по запыленной стене, ощупывая кусочки стекла с тщательностью мастера:

– Не будем торопиться, Томас. Как говорят у меня на ро-

дине, «тише едешь – дальше будешь».

– У вас на родине – это в Саратове, на Волге? – проявил осведомленность американец.

– В России так говорят везде, – вполголоса повторил Фролов уже по-русски, отряхнул руки, повернулся к ассистентам и жестом показал на ведро с инструментами. Отложив шпатели, они взялись за кисти и тампоны...

Много месяцев трудились люди, проявляя то, что было спрятано веками. Пользоваться жидкостями было нельзя, и буквально каждую тессеру чистили зубо­врачебным инструментом – мягкими аккуратными движениями, стараясь не повредить остальную поверхность. Кое-где поле мозаики приходилось укреплять, просверливая отверстия и вводя в слой основы специальные штифты. Работа была окончена 1 июня 1935 года. На полностью открытой и восстановленной картине Богородице предстояли две императорские фигуры: «во святых великий» Константин с макетом основанного им города и «досто­славный» Юстиниан с макетом построенного его радением собора.

Ниша, в которой открыли это украшение, расположена над нынешним туристическим выходом из музея. Когда-то он назывался Вестибюлем воинов, а сама Айя-София была главным храмом главного города главной христианской державы мира.

Описанное выше – не более чем фантазийная художественная зарисовка. Но факт состоит в том, что после при-

своения мечети Айя-София музейного статуса мозаика Вестибюля воинов была явлена миру и изучена. Ее создали много позднее самого собора – во времена Македонской династии, в славные дни империи, когда и Юстиниан, и Константин были для Византии осязаемым, но уже довольно далеким прошлым. Жили они в разное время, однако их соседство на изображении символично и вполне объяснимо. Если прибегнуть к метафоре, в истории Византии было два гиганта – Константин I и Юстиниан I, с которыми никто из правителей не сравнился по значимости свершений.

Спросите человека, более или менее знакомого с древней историей, кто такой Юстиниан, и в подавляющем большинстве случаев вам ответят: «византийский император». Это правильный ответ. Но задумываемся ли мы, употребляя слова «Византия», «византийский», «византизмы», над их настоящим значением? Ведь для государства со столицей в Константинополе название «Византия» никогда не применялось официально – по крайней мере в годы, когда империя была еще жива. Тогда чем же на самом деле правил наш герой?

Как известно, Римская империя возникла на рубеже старой и новой эры. Ее столицей был город Рим. Именно там находился сенат и отправляли должности выборные магистраты, включая номинальных глав государства – двух консулов. Официально Римская империя считалась республи-

кой – Res Publica, «общее дело» римлян, хотя в ее государственном строе функции республиканских институтов постепенно переходили к императору (процесс этот не прекращался и в эпоху Юстиниана). Номинально государство по-прежнему возглавляли два консула, но их уже не выбирали собранием («по комициям» – как в древности), а назначал император.

В республиканском Риме титулом «император» солдаты награждали полководца за выдающиеся заслуги. Императорами были и Сулла, и знаменитый Гай Юлий Цезарь, и фактический основатель империи Октавиан Август. Однако официально Август и его преемники именовались «принцепс сената» – первый в сенате (что дало название эпохе первых императоров – принципат). Начиная с Августа, титул императора давался каждому принцепсу и в конце концов заменил его.

Принимая власть, новый принцепс немедленно провозглашался народным трибуном⁷. Дело в том, что носитель трибунского звания, во-первых, обладал личной неприкосновенностью, а во-вторых, имел право налагать вето на решение любого выборного магистрата (консула, претора, курульного эдила, то есть высших выборных должностных лиц) и даже сената. Таким образом, принцепс получал нужный ему для абсолютной власти статус, формально оставаясь в «республиканских границах» и не занимая для этого высшие должности – консула или диктатора. Императоры могли

как становиться, так и не становиться консулами – в их статусе это ничего не меняло, – но трибунат получали ежегодно⁸. Императоры (до Грациана включительно) также принимали на себя титул верховного жреца, великого понтифика – pontifex maximus, тем самым как бы сакрализуя свою фигуру, становясь сопричастными служению всем богам Рима.

Принцепс не являлся царем. Подчиняться царю (rex поллатыни или βασιλεύς по-гречески) римляне считали уделом преимущественно или варваров, или греков – которых, хоть и уважали за культуру и не относили к варварам, рассматривали как народ подчиненный.

Принципат оказался довольно крепким образованием. Под властью принцепсов римляне распространили свое влияние на обширные территории в Европе, Азии и Африке: от нынешней Бельгии до Туниса, от Британских островов до Сирии и Армении. «Вечный Рим» (Roma aeterna) – горделиво чеканили императоры на своих монетах. Но ничто в земном мире не бывает вечным. В середине III столетия империя вступила в полосу затяжного кризиса. Начались долгие гражданские войны; то тут, то там, опираясь на подчиненные им легионы, появлялись самозванцы. Не случайно это время называют эпохой «солдатских императоров». Их происхождение было самого разного свойства – от варвара (Максимин Фракиец, 235–238) до сенаторов-аристократов (Деций, 249–251 и Валериан, 253–260). Некоторым из них удавалось получить признание от сената (Максимин, Гордиа-

ны I, II, III, Деций, Валериан), о ком-то история не сохранила почти ничего, кроме имени (Эмилиан, Марий, Лелиан, Авреол), а некоторые известны лишь по редким или вообще единичным экземплярам монет (Пакациан, Иотапиан, Регаллиан, Силбаннак).

В 259 году империя фактически разделилась. Галлию захватил самозванный император Постум, после гибели которого в 268 году и до 273 года правили его преемники, такие же узурпаторы Викторин, затем Тетрик. Одновременно Рим потерпел тяжелейшее поражение на восточных границах – в 260 году под Эдессой персам сдалась в плен шестидесятитысячная армия во главе с императором Валерианом и значительным числом высших должностных лиц государства. В сирийской Пальмире провозгласил себя императором Септимий Оденат, после убийства которого в 267 году власть получили его вдова Зенобия и сын Вабаллат. В итоге значительная часть Востока (Сирия, а вместе с ней Египет и часть малоазиатских провинций) на несколько лет также отпала от империи.

С течением времени римлянам удалось преодолеть кризис. Император Аврелиан (270–275) вернул под власть Рима и Галлию, и Сирию.

Гибель Аврелиана и его преемника Проба (276–282) вследствие военных мятежей (по тем временам случай стандартный) уже не привела к каким-то масштабным потрясениям в государстве, но говорить о стабильности было рано.

В ноябре 284 года восточные легионы выбрали императором иллирийца Диокла – человека совсем незнатного происхождения, благодаря способностям, труду и, конечно же, Фортуне, поднявшегося до поста комита доместиков. Он стал править под именем Диоклетиана, и период его правления (284–305) историки считают началом эпохи домината (от слова *dominus* – «господин», «государь»), сменившего принципат и окончательно включенного в официальную титулатуру правителей. Именно этому весьма незаурядному человеку за двадцать лет удалось осуществить целый ряд реформ в сферах экономики, государственного управления, военного дела, религии. Не все они оказались удачными. Не была в конечном итоге достигнута и вождеденная стабильность⁹.

Диоклетиан официально ввел принцип тетрархии, когда государством управляли четыре человека: по одному старшему императору с титулами августа на Востоке и на Западе и по одному их помощнику в ранге цезаря. Августы должны были уходить на покой после двадцати лет правления, цезари занимали их места, назначали себе новых и т. д. Этот, казалось бы, разумно сконструированный механизм поломался сразу же после первого запланированного отречения (Диоклетиана и его соправителя Максимиана Геркулия в мае 305 года). Преемники вместо взаимодействия бросились сражаться между собой, огромная империя в который раз стала ареной разорительных гражданских войн. В результате этого соперничества к началу 307 года правили,

то враждуя, то заключая друг с другом союзы, пять августов (Галерий, Флавий Север, Константин, Максенций, Максимиан Геркулий) и один цезарь (Максимин Даза). В следующем году Флавия Севера уже не было в живых, зато в Карфагене объявился самозванный август Александр; Максимин Даза назначил себя августом сам, а Галерий сделал еще одним августом Лициния. Августов стало семь (!): шесть действующих и находящийся на покое Диоклетиан. Не империя, а какое-то общежитие!

Среди всех этих людей наиболее успешным оказался Константин, сын Констанция Хлора – цезаря при Диоклетиане и законного августа после его отставки.

К началу 20-х годов IV века Константину удалось победить соперников и остаться единодержавным властелином. Осуществленные при нем финансово-экономические и административные мероприятия позволили, наконец, стабилизировать положение государства – по крайней мере до середины IV столетия.

Константин умер 22 мая 337 года, оставив потомкам совсем не то государство, в котором когда-то родился. Именно тогда в общих чертах появилось то, что позднее историки назовут «византизмом»: основные «приметы» Византии как государства. Другими словами, полувековой период поздней Римской империи от начала правления Диоклетиана до смерти Константина кардинально изменил ее облик. Рим эпохи домината не был похож на Рим первых августов

или великих Антонинов. Это была уже Византия.

Поздней Римской империи здорово не повезло с оценкой потомками. Для историков Нового времени она стала объектом снисходительного сожаления: непрекращающийся кризис, деградация, падение нравов и т. д. «Decline and Fall»¹⁰, – словно припечатал великий историк Эдуард Гиббон государство римлян после «Золотого века Антонинов».

Отметим, что называть империю времен Константина или Юстиниана «Византией» (а такова традиция!) означает отказывать византийцам в праве считаться римлянами, противопоставлять «Рим» и «Византию», что неверно¹¹. Римская империя и Византия – это не два разных государства, а одно и то же. И хотя с течением времени сменилось всё – и столица (Константинополь вместо Рима), и язык (греческий вместо латинского), и вера (христианство вместо язычества) – Византия осталась наследницей Res Publicae римлян, просуществовав до 29 мая 1453 года, когда войска османского султана Мехмеда II штурмом взяли Константинополь. Да и по поводу «поздней Римской» можно поспорить: какая же она «поздняя», если от Августа до Константина – триста с небольшим лет, а от смерти Константина до 1453 года – втрое больше! Но уж если следовать привычной традиции, то, произнося слово «поздняя», стоит хотя бы избавиться от негативного настроения. «Поздняя» – не «дряхлая», но «зрелая». О да, именно так! Цвета этой зрелости – золото и багрец, язык ее напыщен, искусство тяготеет к схемати-

зации и застывшей форме, в сравнении со временем Августа она выглядит медлительной и статичной. Но есть во всем этом какое-то свое, тяжеловесное обаяние. Если разглядеть его сквозь дымку веков и искривленные стекла суждений, то вполне можно почувствовать созвучное описанному поэтом *Юстинианова* времени Павлом Силенциарием:

Краше, Филинна, морщины твои, чем цветущая свежесть
Девичьих лиц, и сильней будят желанье во мне,
Руки к себе привлекая, повисшие яблоки персей,
Нежели дев молодых прямо стоящая грудь.
Ибо милей, чем иная весна, до сих пор твоя осень,
Зимнее время твое лета иного теплей¹².

Вопрос о том, с какого момента «начинается Византия» и, главное, в чем ее своеобразие, непросто¹³, однако некоторые факторы, определяющие «византийскость», назвать всё же можно. Безусловно, данный список не претендует на исчерпывающую точность (для этого существуют учебники и научная литература). Он нужен, чтобы лучше понять, какое государство Юстиниан получил, каким государством управлял и какое передал потомкам.

Основав в 330 году новую столицу на Востоке и переехав туда вместе со своим аппаратом, Константин принципиально изменил подход к элите общества. На Западе она традиционно пополнялась за счет старой аристократии (что от-

нюдь не означало полной закрытости, но все-таки ограничивало вертикальную подвижность, пресловутые «социальные лифты»), а вот на Востоке сформировалась за счет выдвинувшихся при Константине людей самого разнообразного происхождения, которые за поколение-другое породнились между собой и с представителями греческой провинциальной аристократии. (Не будем забывать и о происхождении самого Константина: плод связи между офицером невысокого ранга и дочерью трактирщика.) Эти люди достигли высокого положения благодаря государственной власти и, в большинстве своем, были лично обязаны государю. Не случайно восточный сенат («синклит» по-гречески; он появился в Константинополе в середине IV века), в отличие от западного, редко конфликтовал с императором. И если в Риме не сенаторы приходили к императору, но император сам являлся в сенат, то в Константинополе общение государя с синклитом происходило ровно наоборот.

К моменту получения Юстинианом верховной власти изрядная часть сенаторов Востока состояла из потомков колбасников, торговцев, солдат, даже вольноотпущенников – в общем, людей, добившихся всего, как некогда Диоклетиан, способностями, усилиями и везением. Благородство происхождения заслуживало уважения и похвалы, но не определяло ценность человека для государственной должности. Это касалось и императора: «Никто не должен хвалиться происхождением от благородных предков: прах есть общий прах».

родитель всех, – как тех, которых украшает порфира и виссон, так и тех, которых угнетает нищета и болезнь; как тех, кои носят царские венцы, так и тех, кои просят милостыни. И так станем не происхождением своим из праха гордиться, но приобретать уважение непорочностию нравов», – писал Юстиниану диакон Агапит¹⁴.

Еще одним кардинальным отличием Византии от «традиционной» Римской империи явилось изменение статуса христианства. После нескольких веков гонений, особенно сильных в середине III – начале IV века (при Деции, Валериане и Диоклетиане), оно в самых различных своих течениях не только не исчезло, но вовлекло наиболее активных представителей общества. Бессмысленность борьбы с ним прежними мерами стала очевидной. 30 апреля 311 года в Никомидии мучительно умиравший август Галерий издал эдикт, которым разрешил исповедовать «заблуждения христианства». Спустя два года в Медиолане августы Константин I и Лициний опубликовали аналогичный по смыслу, но уже без выраженного негатива в отношении христианства документ. Через девять лет, в 324 году, новый закон Константина о веротерпимости разрешил исповедовать уже «заблуждения язычества». В июне 325 года Константин I, не приняв еще крещения, председательствует на Никейском соборе христианских епископов. Сын Константина, Констанций II, наложил запрет на публичные отправления языческих культов.

Язычество сопротивлялось, но даже при поддержке энер-

гичного Юлиана Отступника не смогло вернуть былых позиций. В 381 году христианство (в его никейском варианте) фактически стало государственной религией империи, а в 391 и 392 годах Феодосий I четырьмя конституциями объявил вне закона любые проявления язычества (жертвоприношения, возлияния в честь богов и т. д.), установив для нарушителей совершенно разорительные наказания¹⁵. Ситуация поменялась: теперь толпы черни громили языческие храмы, порой убивая тех, кто в них молился. В результате одного из погромов был уничтожен александрийский Серапиум, от рук мародеров серьезно пострадала (а по некоторым сведениям, полностью погибла) размещавшаяся при нем знаменитая библиотека. Еще через два года состоялись последние в древней истории спортивные игры в Олимпии. Язычество, прячась, просуществовало в империи до времен Юстиниана или даже несколько дольше, но осталось уделом ничтожного числа людей (впрочем, порой довольно влиятельных). К середине V века, при императоре Феодосии II и его сестре августе Пульхерии, двор, как считали некоторые современники, «превратился в монастырь». Тот же Феодосий II законом 426 года предписал уничтожить любые алтари древних богов, если они где-либо еще остались, и на их месте водрузить кресты. Император Лев запретил ристания в священный для христиан день воскресенья, а Анастасий – борьбу человека со зверями и праздник весны с песнопениями и плясками¹⁶.

Однако признание христианства сопровождалось яростной борьбой между различными его толками. Четвертый век прошел под знаменем противостояния ортодоксии и арианства, пятый – ортодоксии и, с одной стороны, монофиситства, с другой – несторианства. Ко времени воцарения Юстиниана монофиситская проблема была наиболее важной, ибо к этому течению принадлежала значительная часть христиан Сирии и Египта.

Арианство, несторианство, монофиситство

Арианство – учение, основателем которого был александрийский священник Арий (?—336). В отличие от православных ариане полагали, что Бог-Сын не мог существовать до своего рождения, а значит, имел начало и не был равен Богу-Отцу. Позднее в этом учении образовалось множество направлений – вплоть до таких, которые считали Сына не одной из ипостасей Троицы, но лишь «превосходным творением» Отца, ему не единосущным (ὁμοούσιος) в ортодоксальном толковании, а подобосущным (ὁμοιοούσιος), подобным (ὅμοιος) и т. п. Христос некоторых ариан – не Бог, но герой; эта точка зрения была понятна и близка варварским народам империи, многие из которых (вандалы, готы, отчасти франки и др.) восприняли христианство в изложении последователей Ария. Арианство было осуждено на Никейском соборе 325 г., но впоследствии возобладало в империи,

особенно в правление Констанция II (337–361) и Валента II (364–378). В 381 г. арианство окончательно признали ересью.

Несторианство – учение, основателем которого был столичный архиепископ Несторий (428–431). Несториане (а они существуют и поныне) считают отдельными божественную и человеческую сущности во Христе и не признают божественного материнства Девы Марии (Несторий называл ее не Богородицей, но Христородицей).

Монофиситство (монофизитство), «одноприродие» (гр. *μόνος*, один + *φύσις*, природа) – христологическое учение, в своей крайней форме евтихианства отрицающее человеческую природу Христа вообще. Монофиситы более умеренного характера признают наличие у Христа человеческой природы, но отличной от нашей, обычной. Монофиситство развилось из философии св. Кирилла, патриарха Александрийского (414–444). Сам Кирилл говорил о «единой природе Бога-Слова воплощенной», понимая под этим умаление во Христе человеческой природы, своего рода поглощение низшей человеческой природы природой высшей, божественной. Но так вышло, что самого Кирилла церковь сочла православным и канонизировала на V Вселенском соборе. Наиболее четкой границей между развитым монофиситством и ортодоксией можно считать отношение к IV Вселенскому собору в Халкидоне (монофиситы его не признают).

Сегодня принято различать монофиситство в его край-

ней форме и «миафиситство», «единоприродие» – исповедание веры восточными церквами (эфиопской, коптской, яковитской и т. д.). Как православие, так и католицизм считают вышеуказанные течения ересями. Некоторые современные исследователи (например, М. В. Грацианский) считают, что вместо термина «монофиситы» корректнее употреблять «антихалкедониты».

Всё большую роль в жизни страны (в основном на Западе) начинают играть варвары, преимущественно германцы. Уже с середины IV века основная часть армии Запада и значительная – Востока комплектовалась не из римских свободных граждан, а из иноплеменников-федератов. Многие римляне понимали, что стремительная варваризация армии и государственного аппарата – путь страшный.

«У империи, как у больного тела, воспалены многие члены, – писал, обращаясь в речи «О царстве» к императору Аркадию, епископ африканского Пентаполиса философ Синесий, – инородные частицы (варвары. – С. Д.) мешают ей восстановить покой и здоровье. Но для того, чтобы излечить отдельное лицо, как и целое государство, нужно устранить причину зла: это правило употребляют как врачи, так и императоры. Ибо не заботиться о защите от варваров, как будто они нам преданны, и в то же время позволять гражданам быть свободными от военной службы, что это значит, как не стремиться к гибели! Скорее, чем позволять скифам

(здесь в смысле «варварам худшего сорта». – С. Д.) носить оружие, должно требовать от нашего земледелия людей, которые им занимаются и которые готовы его защищать. Исторгнем поэтому философа из школы, ремесленника из мастерской, торговца из лавки; призовем эту чернь, шумящую и праздную, проводящую время в театрах, пока есть еще время действовать – если она не хочет в скором времени перейти от смеха к плачу; пока еще нет никакого препятствия для создания собственной армии из римлян...малейшего предложения достаточно, чтобы вооруженные пожелали стать господами граждан и не приученные к войне могли быть вынуждены сражаться с опытными в военном деле. Но прежде чем дело дойдет до этого, до чего отчасти и дошло, нам следует возвратить римские помыслы и приучиться самим добывать себе победы, причем варвары не должны в этом принимать никакого участия, – их нужно удалить из всех учреждений.

Сперва должно им запретить доступ к высшим должностям и исключить их из сената, потому что они презирают эти почести, считающиеся у римлян высочайшими. При виде того, что теперь происходит, бог войны и богиня Фемида, присутствующая на собраниях, должны часто, я думаю, скрываться от стыда: полководец, одетый в звериные шкуры, командует воинами, одетыми в хламиды; варвары, завернувшись в грубый плащ и надев сверху тогу, приходят рассуждать с римскими магистратами об общественных делах, восседая в первом ряду после консулов, выше стольких по-

четных граждан. Потом, выйдя из сената, они снова надевают одежды из звериных шкур и смеются с своими товарищами над этой тогой, одеждой, как они говорят, неудобной для людей, которым нужно носить меч. <...> Император должен очистить свою армию, как очищают хлебные поля, отделяя дурные зерна и чужеядные семена, заглушающие рост чистой пшеницы»¹⁷.

Но что было делать, если многие граждане предпочитали жить за счет подачек государства, при этом нимало не беспокоясь о его защите? Империя все активнее нанимала одних чужеземцев для противостояния другим. Варваризация Запада в конечном итоге привела к передаче варварам власти над всеми территориями Рима. Восток этой участи избежал, но поменялось само отношение к иноплеменникам: исповедавший православное христианство гражданин империи считался ромеем независимо от того, кем он родился – исавром, готом или славянином. Такая формулировка многое упрощает, но суть имперской политики того времени по отношению к инородцам отражает верно.

Впрочем, мы отвлеклись. Давайте хотя бы вкратце рассмотрим, как развивались события на Западе и Востоке империи и каким было государство к моменту появления на исторической сцене Флавия Петра Савватия Юстиниана.

Итак, основатель Византии Константин умер в Никомидии 22 мая 337 года. Тело государя доставили в нареченную его именем столицу и погребли в ектирии храма Свя-

тых Апостолов – месте, ставшем традиционной усыпальницей византийских императоров. Дети покойного (Констант, Константин II и Констанций II) немедленно перессорились, и Констанций, захватив столицу Востока, в худших традициях предшественников вырезал почти всех родственников. Это привело к тому, что после гибели в междоусобных войнах сначала Константина II, а затем Константа и захватившего Рим «императора на месяц» Непоциана (сына сводной сестры Константина Евтропии) из мужчин многочисленного клана Константина Великого в живых остались лишь трое: Констанций II и его двоюродные братья Констанций Галл и Юлиан. Первый в 351 году стал цезарем. Проявивший недюжинную сноровку в умерщвлении своих действительных и мнимых политических противников юный цезарь был довольно скоро казнен по приказу августа Констанция II: ему отрубили голову.

Новым цезарем сделали Юлиана. Отправленный в Галлию воевать с зарейнскими германцами, он одержал целый ряд побед. Воодушевленные успехами и не желая идти на Восток, в персидский поход, галльские легионы провозгласили Юлиана августом без санкции старшего императора. Констанций II этого не признал и после долгих колебаний двинул против Юлиана войско. Империя вновь приблизилась к гражданской войне, но 3 ноября 361 года нестарый еще Констанций умер в Киликии от лихорадки, во избежание дальнейших междоусобий завещав перед смертью всю пол-

ноту власти сопернику. Юлиан, знаменитый попыткой реанимировать язычество (за что и получил прозвище «Отступник»), правил всего три года и погиб 26 июня 363 года в ходе неудачной для римлян персидской кампании. Так преклась династия Константина Великого.

Избранный новым императором христианин Иовиан заключил с персами крайне невыгодный мир и повел армию домой. По неизвестным причинам 16 февраля 364 года он скончался, не достигнув Константинополя, и на его место выбрали отсутствовавшего полководца Валентиниана. Назначив себе соправителем брата Валента, Валентиниан I воцарился на долгие десять лет. Человек свирепый и решительный, он большую часть правления посвятил делам Запада, отражая натиск многочисленных варваров на границы по Рейну и Дунаю. Валент же¹⁸ управлял Востоком до 378 года, пока не пал в битве с готами под Адрианоподем. К тому времени Западом правил Грациан (сын умершего своей смертью Валентиниана I) с малолетним сводным братом Валентинианом II.

Новым августом Востока стал военачальник Феодосий. После убийства в 383 году Грациана он фактически остался самодержцем (Валентиниан II был еще ребенком). Феодосий сумел договориться с вестготами, отразить набеги других варваров и победить в тяжелых гражданских войнах с узурпаторами Магном Максимом (во время мятежа которого и погиб Грациан) и, спустя несколько лет, Евгением¹⁹.

Как мы видим, и в конце IV века жизнь в империи стабильностью не отличалась. Властям приходилось активно заниматься пропагандой, напоминая гражданам о традиционных римских ценностях и гордом имени римлянина. В честь Феодосия в Константинополе были сооружены гигантская колонна и невиданных размеров триумфальная арка (от них до нашего времени дошли лишь обломки), а на ипподроме воздвигнут обелиск (стоит на стамбульской площади Ат-Мейданы и поныне). Но никакие арки и колонны не могли подменить собой тот факт, что разница между декларированным положением «римского гражданина, владыки мира» и реальностью была громадной. Римлянин нес на себе тяжесть налогов, общественные повинности – а что получал взамен, кроме права на гордое наименование? В самом Риме около Колизея стояла арка Константина, который самые крупные победы одержал не над внешними врагами, но над соотечественниками. После другой гражданской войны IV столетия (Констанция II с узурпатором Магненцием) армию Запада пришлось пополнять одними варварами, в то время как другие бесчинствовали в Галлии. «Констанций, воюя с Магненцием, отнявшим чужие владения, но правившим, лично блюдя законы, считал необходимым исчерпать все средства, дабы овладеть этим человеком. И вот он письмами открывает путь варварам в римские пределы, заявив в них о своем дозволении им приобретать земли, сколько только они смогут. Когда это разрешение было дано и пись-

ма те отменили условия договора, они хлынули потоком, при отсутствии какого-нибудь сопротивления, – Магненций держал свои войска в Италии – и цветущие города становятся их полной добычей, деревни разносились, стены низвергались, увозилось имущество, женщины и дети, и люди, коим предстояла участь рабов, следовали за ними, унося на плечах собственное свое богатство, а кто не в силах был выносить рабство и видеть жену свою и дочь в позоре, в слезах был убиваем, и когда наше достояние было перенесено, то, завладевшие землею, нашу запахивали собственными руками, а свою руками полоняников. А те города, которые избежали взятия благодаря крепости стен, земли, кроме самого незначительного количества, не имели и жители пропадали с голоду, хватаясь без разбору за все, чем только можно было питаться, пока число их становилось столь незначительным, что самые города обращались вместе и в города, и в поля, и незаселенного пространства в ограде хватало для посевов. Действительно, и быка запрягали, и плуг влачился по земле, и семя бросали, всходил колос, являлся и жнец, и молотильщик, и все это в пределах ворот города, так что пленных никто не назвал бы более злосчастливыми, чем тех, кто остались дома»²⁰.

Эти восклицания Ливания несут на себе печать риторических упражнений, но каких-нибудь двадцать-тридцать лет назад они не пришли бы в голову римскому оратору. Адрианопольская катастрофа 378 года открыла путь в империю

вестготам. Тем временем остальной варварский мир Европы глухо клочотал, словно предупреждая о грядущем взрыве – «Великом переселении народов». Отзвуки неясного шевеления уже доносились из-за Рейна и Дуная, из бескрайних степей Приазовья и Тавриды: там вызревало нечто грандиозное и чуждое. В общем, что-то становилось не так в и без того непростом мире римлян. Наступали тревожные времена.

Западная Римская империя

Как раз в этот момент, не прожив и пятидесяти лет, в Медиолане умер последний император объединенной Римской империи Феодосий Великий. Это произошло 17 января 395 года. Власть над государством разделили два его сына-соправителя. Младшему, одиннадцатилетнему Гонорию, достался Запад, старшему, восемнадцатилетнему Аркадию, – Восток. По-разному можно относиться к Феодосию: и личностью он был не во всем привлекательной, и о достижениях его можно поспорить. Но одно не оставляет сомнений: после его смерти дела римлян стали только хуже. «Не достойными похвалы и не унаследовавшими добродетелей отца» назвал Аркадия и его брата армянский историк V века Моисей Хоренский²¹.

Готы

На протяжении всего времени своего существования Римское государство сталкивалось с варварами. Под это определение подпадали все, не говорившие на латыни (кроме греков). Со временем на уровне межгосударственных отношений Рим признал персидское царство сасанидов, но на бытовом, человеческом уровне римляне именовали «варварами»

и персов – хотя иранская культура была намного древнее и греческой, и уж тем более римской.

До Великого переселения народов главную опасность для Рима представляли: на севере – кельты, германцы, сарматы и фракийцы, на востоке – парфяне (после III в. н. э. – персы), на юге – ливийцы и нубийцы²². В эпоху, предшествовавшую появлению Юстиниана, и в его время основной проблемой империи на западе были германцы и гунны.

Взаимодействие с гуннами – союзом кочевых племен, зародившимся на бескрайних просторах срединной Азии, – было кровавым, но относительно коротким. Едва не сокрушив римлян в 40—50-е годы V столетия, к 80-м годам того же века гунны были в основном выбиты с территории империи и ослабли. А вот германцы (аллеманы, готы, франки, бургунды и другие племена) определяли всю историю римлян с конца IV до начала VI в.

Предки древних германцев жили в районе Балтийского моря (Южная Скандинавия и современная Северная Германия), придя туда с Востока²³. Постепенно германские племена стали многочисленными и могущественными. Римляне начали конфликтовать с ними уже во времена Республики. В конце II в. до н. э. консул Гай Марий с огромным трудом победил вторгшихся в Галлию тевтонов, кимвров, тигуринов и амбронов, война с которыми длилась целых восемь лет (с 113 по 101 г. до н. э.) и едва не погубила Республику.

В императорскую эпоху Риму удавалось оттаивать

свои рубежи, периодически совершая походы на земли германцев. При Августе удалось продвинуться аж до Эльбы и Северного моря, но потеря трех легионов в битве в Тевтобургском лесу (9 г.) это продвижение остановила. В первые годы правления преемника Августа Тиберия были вновь организованы несколько военных экспедиций на земли по правому берегу Рейна, но в конечном итоге именно при Тиберии Рим перешел к обороне. Границей империи на долгие годы стал Рейн, против германцев со временем были возведены оборонительные сооружения (по Рейну и верхнему Дунаю, а между ними – так называемый Верхнегерманско-ретийский лимес). Римляне постоянно держали на рейнской границе войска, численность которых достигала восьми легионов²⁴.

В конце II в. маркоманны, квады и союзные им сарматские племена нанесли империи мощный удар, прорвавшись в Северную Италию. Как это уже случалось в минуты крайней опасности, в армию стали зачислять отпускаемых для этой цели рабов и даже гладиаторов. Марку Аврелию удалось разбить варваров и отбросить их назад. Во время так называемый Второй маркоманнской войны император умер в Виндобонне (современная Вена).

В III в. давление германцев усилилось. В 235–237 гг. один из самых воинственных и свирепых правителей Рима, император-варвар Максимин Фракийец опустошил правобережье Рейна, загнав их в болота.

Вскоре главную роль в противостоянии с империей ста-

ли играть готы – союз германских племен, переправившихся через Балтийское море из Южной Скандинавии. К середине III в. готы разделились на две ветви: визиготов и остроготов. Первые обосновались на левобережье Дуная, вторые добрались до Крыма и Боспора. С течением времени, руководствуясь географией, историки переименовали визиготов в вестготов (западных), а остроготов – в остготов (восточных). Начиная с середины столетия Рим постоянно и с невероятным трудом отбивался от готской опасности. Именно в сражении с готами под Абриттом (в нынешней Болгарии) в 251 г. сгинул в болотах гонитель христиан император Деций. В течение последующих пятнадцати лет готы и союзные им племена постоянно нападали на пребывавшую в кризисе империю. Присовокупив к захваченным у боспорских царей кораблям свои, варвары произвели несколько набегов на Колхиду, Малую Азию²⁵, Грецию.

Готы были разгромлены в 268 или 269 г. в грандиозной битве при Науссе, а еще через несколько лет император Аврелиан уничтожил войска аллеманов. Хотя империя на этот раз и одержала верх над германцами, именно при Аврелиане римляне эвакуировали Дакию, отступили от Верхнегерманско-ретийского лимеса на юго-запад, построив между Рейном и Дунаем новый лимес (Дунай-Иллер-Рейнский), и возвели вокруг Рима оборонительные стены. Теперь юго-восточная граница между империей и германцами проходила по Дунаю почти на всем его протяжении.

Константин Великий после непродолжительной кампании (в которой был вынужден принять личное участие) разбил вновь напавших на империю готов и через некоторое время заключил с ними союз, обязав за вознаграждение помогать римлянам в охране границ и в военных предприятиях (332 г.).

Позднее, с середины IV в., сначала цезарь Юлиан, а затем август Валентиниан I вели успешные кампании против других германцев (аллеманов и квадов), что позволило стабилизировать рейнскую границу на полвека. Немногим позже август Востока Валент II в течение нескольких лет (366–369) успешно воевал против готов на левом берегу Дуная.

В начале 370-х гг. под давлением гуннов вестготы стали просить у константинопольского двора разрешения поселиться в империи на правах федератов. К тому времени они уже были единоверцами римлян, исповедуя христианство в его арианской форме. Валент такое разрешение дал, но злоупотребления римских чиновников, отвечавших за снабжение готов продовольствием, вызвали сначала голод, а в 377 г. привели к восстанию. 9 августа 378 г. в битве при Адрианополе восточноримское войско потерпело от вестготов сокрушительное поражение, Валент в пылу битвы исчез бесследно (предполагают, что готы сожгли дом, в котором укрылся раненный стрелой император). После таких событий империя уже не могла усмирить готов силой. Считается, что Феодосий I покорил готов, но на самом де-

ле он после тяжелой и не всегда удачной войны, длившейся несколько лет, заключил с ними союз, нанял в качестве федератов и признал их право селиться на территории империи (остготов – в Паннонии, вестготов – в Северной Фракии). Следствием этого стало дальнейшее ускорение варваризации римской армии, затем гражданского аппарата²⁶ и, как следствие, увеличение налогового бремени на податное население – ведь федератам нужно было больше платить.

12 июля 400 г. в Константинополе началось народное восстание против засилья готов. Большую часть находившихся в городе варваров (в основном – женщин и детей) горожане перебили. Командующий готским войском магистр Гайна попытался взять город, но был отбит от стен, а затем погиб в сражении с частями, верными правительству. В честь этой «победы» Аркадий начал возводить в Константинополе гигантскую колонну (она была закончена после его смерти и простояла до XVIII в.).

Долгое время от имени обоих юношей фактически правили временщики-варвары, достигшие на римской службе высоких постов. «Между тем опека над детьми и управление обоими дворами императором Феодосием Старшим были возложены на две весьма могущественные личности, а именно на Руфина – восточный двор, а на Стилихона – Западная империя. Что оба они, и тот и другой, совершили или что пытались совершить, объясняет цель каждого из них: один для себя стремился добыть царское положение, другой

для сына своего. Для этого один впустил варварские племена, другой этому содействовал, чтобы во время внезапной сумятицы нужда государства скрыла их преступные замыслы», – сетовал современник, диакон Павел Орозий²⁷. Отныне обе части империи стали, при формальном сохранении единства, существовать как фактически независимые, порой даже враждующие государства. Именно поэтому 395 год – вторая (после основания Константинополя в 330 году) точка, с которой формально можно отсчитывать «рождение» Византии. Но нужно еще раз подчеркнуть: формально страна оставалась единой. Важнейшие императорские эдикты выходили от имени императоров Востока и Запада, из двух консулов (к этому времени консульский сан превратился в декорацию, но традиция осталась) один назначался в Риме, другой – в Константинополе.

Что же касается обвинений Орозия, то были они неточны, но небеспочвенны. Временщики при дворе малолетних императоров разыгрывали «готскую карту», не понимая, какого джина выпускают из бутылки: префект претория Востока галл Руфин и военный магистр вандал Стилихон пытались заставить действовать в своих интересах вестготские племена.

После смерти Феодосия Стилихон по требованию Аркадия начал отсылать на восток контингенты, ранее уведенные Феодосием на запад. Среди них были вестготы во главе с королем Аларихом. Не получив ожидаемых выплат, он

в 395 году поднял восстание, начал захватывать земли Фракии и Мезии. Готы даже напали на Константинополь, но не смогли его взять и отправились сначала в Фессалию, далее в Аттику и на Пелопоннес. Здесь их остановил Стилихон, но по неясным причинам не принудил Алариха к сдаче, а дал ему уйти: в итоге готы разграбили Эпир и в 401 году оказались в Италии, во владениях Гонория (последнее – уже, видимо, следствие политики восточноримского двора, старавшегося «перекинуть» решение проблемы соседям). Войско Алариха состояло уже не из одних вестготов, но пополнялось по пути за счет других варваров, местных разбойников и прочего сброда. И уже чистым издевательством над здравым смыслом было то, что Аларих от Аркадия имел должность магистра войск Иллирика (и соответствующее, надо полагать, содержание). С огромным трудом Стилихон летом 403 года разбил Алариха под Вероной (хотя не уничтожил до конца, рассчитывая с его помощью отнять у восточных римлян Иллирик). Однако в 406 году западным римлянам стало не до приобретения земель: с севера в Италию прорвалась еще одна варварская армия – готов и иных германских племен под водительством Радагайса. Таким образом «...два народа готов тогда с двумя могущественными королями своими бесновались по римским провинциям, из которых один (Аларих. – С. Д.) был христианин и более близкий к римлянину и, как показало дело, из-за страха перед Богом мягкий в убийствах, другой был варвар и истинно скиф, ко-

торый не столько стремился к славе или добыче, чиня убийства, сколько из-за ненасытной жестокости любил в убийстве само убийство и, дойдя уже до сердца Италии, взволновал Рим, дрожащий от близкого страха»²⁸. Правительство Запада было вынуждено пополнять армию рабами (!). Орду Радагайса удалось в том же году остановить и уничтожить не где-нибудь, а в самом сердце Италии, неподалеку от Флоренции.

Беда пришла не одна. Как назло, зимой 406/407 года из-за сильных холодов замерз Рейн. За два дня до январских календ (30 декабря) огромная масса вандалов, аланов и свевов переправилась по льду и прорвала римский пограничный лимес в районе Могонциакума (Майнца)²⁹. Захватчики грабили страну, а у двора Гонория не было сил что-либо предпринять – ведь ранее Стилихон отозвал в Италию часть галльских войск. В следующем году отбивать Галлию от варваров прибыл из Британии узурпатор Константин III. Его сын, бывший монах Констант, был провозглашен цезарем и оказался с войсками отца в Испании. Гонорий (точнее, Стилихон) выслал против Константина войска, которые нанесли тому поражение и быстро вернулись обратно. Константин же оправился, а затем захватил укрепления в Пиренеях, преграждавшие путь в Испанию по суше. Примерно в то же время в районе Тицинума (Павии) приключился бунт галльских войск. Солдаты были недовольны провальными действиями императорского двора в отношении их родины. В ходе бунта убили нескольких высших чиновников,

включая префекта претория Галлии, а Гонорий едва спасся бегством. Таким образом, римляне в Испании, Галлии и даже Италии устроили гражданскую войну на фоне внешней агрессии. Было еще одно обстоятельство, в той или иной степени ухудшавшее положение: в Галлии более ста лет (!) тлело крестьянское восстание багаудов, начавшееся в конце III века и завершившееся уже при франках. Кончилось это плачевно: оборона рухнула. За несколько лет захватчики добрались до западных областей Испании. «...Вандалы, аланы и свевы, захватившие Испанию, набегамы совершают жестокие убийства и опустошения, сжигают города, грабят имущество, так что люди, принужденные голодом, пожирали человеческую плоть. Матери ели своих детей; и звери, привычные к трупам, несли гибель людям, убиваемым мечом, голодом и болезнями...» – живописует ужасы нашего времени епископ Севильи Исидор (VII век)³⁰. Затем в оставшейся римской части Испании появился еще один узурпатор, Максим, а Константа убили. Константин III, с трудом восстановивший рейнскую границу после погрома 406 года, также погиб³¹. Его войска то ли вообще более не вернулись в Британию и были использованы для обороны материковых провинций, то ли вернулись, но в 418 году снова получили приказ отправиться на континент. Поскольку это были чуть ли не последние римские части острова (ибо войска оттуда императоры Запада выводили и ранее), защищать римлян в Британии стало некому. Оставшемуся на островах населе-

нию предстояло своими силами противостоять переправлявшимся с континента саксам, ютам и фризам. Как известно, в этой борьбе британские римляне проиграли и растворились среди пришельцев.

Резиденцию императора Запада перенесли в неприступную, окруженную болотами Равенну: и Вечный город, и север Италии стали слишком уязвимы для внешних варваров или бунтующих собственных армий. После казни Стилихона (23 августа 408 года)³² вестготы во главе с Аларихом дважды угрожали Риму. В первый раз, осенью того же года, они получили огромный выкуп и около 40 тысяч рабов-варваров, которых хозяева отпустили по требованию готов. Через год Аларих снова подступил к Риму и потребовал земель для поселения соплеменников. Он пытался договориться с Гонорием, но тот в требованиях отказывал. Сенат по велению захватчиков провозгласил императором Приска Аттала, занимавшего должность городского префекта. Вскоре Аларих низложил Аттала, но по-прежнему не мог прийти к соглашению с Гонорием по вопросу передачи вестготам Норика и некоторым другим моментам.

Третья осада Вечного города завершилась тем, что 24 августа 410 года вестготы принудили его к сдаче и опустошили. Аларих приказал не трогать христианских святынь, но частные и общественные богатства были разграблены, некоторые римляне убиты, а значительная часть женщин – изнасилована. Варвары пытали зажиточных горожан, разыскивая спря-

таннные сокровища. Событие это потрясло тогдашний мир, но, увы, оказалось лишь одним из череды подобных.

Вестготы ушли из Рима, попытались переправиться в Сицилию, но из-за бурь им это не удалось, и они повернули назад, ограбили нетронутые доселе местности Южной Галлии, а затем направились в Испанию. За несколько лет потеснив вандалов, свевов и оставшихся незавоеванными римлян, они там и осели, основав королевство со столицей в Тулузе. Все три племени числились федератами империи, но, если говорить честно, заметного влияния на них равеннское правительство не имело. Между ними началось соперничество. Поначалу вспыхнувшие в Испании межварварские войны играли на руку слабеющему государству. Воспользовавшись передышкой, восточноримское правительство предприняло усилия по восстановлению разрушенных укреплений Иллирика и восстановлению флота на Дунае – во всяком случае, три императорских указа по этому поводу сохранились в «Кодексе Феодосия»³³.

Позже готская проблема возникла снова. Обо всем этом кратко, но емко написал Исидор Севильский в «Истории готтов»: «Валлия³⁴ от имени римлян устроил варварам большие убийства. Вандалов-силингов в Бетике он всех войной уничтожил. Аланов... он до того уничтожил, что после гибели их короля Атака немногие уцелевшие подчинились власти Гундериха, короля вандалов, которые находились в Галлеции.

Это были те вандалы, которые позже, оставив севов в бедственном положении, перебрались в Бетику и, захватив Гиспалис, переселились в Африку.

И вот Валлия, завершив войну в Испаниях, построил корабли и решил переправиться в Африку. В Гадитанском проливе (Кадис. – С. Д.) его флот был уничтожен жесточайшей бурей, и, памятуя о кораблекрушении, случившемся при Аларихе, он, оставив опасное мореплавание, вернулся в Галлии.

Он вынужден оставить Испанию; затем он римским патрицием Констанцием был отозван в Галлии.

За заслуги его побед император дал ему для поселения Вторую Аквитанию с несколькими пограничными общинами вплоть до океана.

Год эры 457-й³⁵, императоров Гонория и Аркадия 25-й (9-й год младшего Феодосия), после смерти короля Валлии ему наследовал в правлении Теодорид и правил 33 года. Он, не удовлетворившись властью над Аквитанией, порвал договор с римлянами. Он двинул армию, захватил многие римские муниципии, соседние с его территорией, силой овладел знаменитейшим городом Галлии Арцилой (Арелатом. – С. Д.)»³⁶.

После смерти в 421 году Гонория власть над Западноримской империей узурпировал очередной самозванец, Иоанн. Восточные римляне выслали войска во главе с варварами Ардавуром и его сыном Аспаром; благодаря этому в 425 году

Иоанн был свергнут. Бразды правления передали малолетнему внуку Феодосия Великого Валентиниану III: его мать, Галла Плацидия (сестра Аркадия и Гонория), до совершеннолетия сына была истинной правительницей Западноримской империи. Тут можно добавить «к великому сожалению».

За десятилетие между 429 и 439 годами Африка подпала под власть вандалов – несмотря на очередную помощь из Константинополя. Вместе с провинциями, служившими для Италии ощутимым источником налоговых поступлений и продовольствия, римляне потеряли Карфаген – базу военного флота – и сам флот. Получив его, вандалы стали угрожать Сардинии, Сицилии и самой Италии.

Константинополь на этот раз помочь не мог: ведь, помимо вандалов, империи угрожала другая страшная опасность – гунны. К IV веку их кочевая цивилизация овладела огромными пространствами средней Европы – от Волги до Рейна.

С гуннами римляне столкнулись в конце 70-х годов IV века, когда те, преследуя вестготов, захватили какие-то земли в Мезии и Паннонии. В 395 году гунны прорвали оборону персов в районе Дербента, попали в Закавказье, вихрем налетели на римскую Сирию и вернулись обратно. Узкоглазые номады, нимало не похожие на привычных европейцев, вселяли в них панический ужас. Вот как описывал их готский историк VI века Иордан: «...их [гуннов] образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на

безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юношестве лишены красоты, так как лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами.

Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости»³⁷.

До конца первой трети V века отношения обеих частей империи с гуннами строились, как и с прочими варварами: порой с ними воевали или покупали мир золотом, а порой (главным образом на Западе) привлекали в качестве наемников-федератов.

Но в 433 году державу гуннов возглавил Аттила, получивший от христианских писателей грозное прозвище «бич Божий». Объединив под своим началом не только собственно гуннов, но и другие покоренные ими племена, Аттила в 441 году напал на Фракию и Иллирик, владения восточных римлян³⁸. Дикари, презируемые их высокообразованными противниками, при осаде Наисса неожиданно применили осадные машины, чего не бывало ранее. За шесть лет

гунны дошли до предместий Константинополя! Одним из многочисленных последствий варварского нашествия стало исчезновение римского флота на Дунае – а он за каких-нибудь 30–35 лет до тех событий насчитывал более двухсот кораблей³⁹.

При восточноримском дворе фактически на положении пленницы несколько лет пребывала сестра Валентиниана III Юста Грата Гонория⁴⁰. Каким-то образом Гонории удалось связаться с Атиллой и передать ему дорогие подарки и перстень, предлагая себя в жены. Так как она приходилась внучкой Феодосию Великому, у предводителя гуннов появлялась возможность законным путем претендовать на богатства римлян и оба императорских престола. Атила только обрадовался такому повороту событий и отправил восточноримскому императору Маркиану требование выдать ему Гонорию и выплатить деньги, которые причитались гуннам по договору с предшественником Маркиана Феодосием II⁴¹. Маркиан выслал Гонорию из Константинополя в Равенну, в выплате же отказал. Атила в 451 году двинулся на Запад, в Галлию. Только теперь, перед лицом гуннской опасности, римляне и вестготы смогли договориться и действовать сообща. На Каталаунских полях (в Шампани) западноримский полководец Флавий Аэций, «последний великий римлянин», как назвал его Прокопий Кесарийский, остановил гуннов. В этой, одной из крупнейших битв античности

варварам-гуннам противостояли тоже в основном варвары: франки, саксы, сарматы, бургунды и прочие; варваром (по отцу) был и сам Аэций. Готы же оказались в стане обоих противников: вестготы – в войске римлян, остготы – у Аттилы⁴².

В следующем году Аттила напал уже на Италию. Взяв Аквилею, Тицидум (Павию) и Медиолан, гунны пошли на Рим, однако отступили под угрозой эпидемии чумы (согласно официальной версии, они были остановлены папой Львом I). Еще через год Аттила (по легенде – в ночь после собственной свадьбы) умер где-то в Паннонии.

Держава гуннов распалась, и их набеги более никогда не достигали прежней мощи. Но другие варвары Запад топили. Словно охваченные каким-то безумием, римляне помогали им разваливать государство, усугубляя бедствия коррупцией и бездарным правлением.

Сначала в результате придворной интриги пал Аэций: его завистники внушили Валентиниану III, не отличавшемуся особым умом, мысль о том, что такой популярный человек является для него угрозой. Император организовал казнь Аэция прямо у себя на аудиенции, лично нанеся первый удар мечом. Довольно скоро, мстя за своего вождя, варвары-оруженосцы Аэция при поддержке некоторых представителей старой римской знати убили Валентиниана. На престол вступил сенатор Петроний Максим, один из организаторов переворота. Вдова прежнего императора Евдоксия, насильно выданная замуж за Петрония, в досаде и ярости призвала пред-

водителя вандалов Гизериха вмешаться. Когда-то бывший римским, а ныне вандалский флот в июне 455 года захватил Рим, и в течение двух недель варвары грабили и разрушали Вечный город, причиняя ему значительный и зачастую бессмысленный ущерб (отсюда и понятие «вандализм»).

Петрония Максима, пытавшегося сбежать из Рима, жители поймали и насмерть забили камнями. После ухода вандалов императором Запада стал образованный и культурный Авит, галл по происхождению. Маркиан признал его, но через год фактический властитель Италии, римский полководец варвар Рицимер (из племени свевов по отцу и вестгот королевской крови по матери), поднял мятеж. Авита низложили, он пытался бежать, но был схвачен и в октябре 456 года казнен.

Девять лет западной империей правили ставленники Рицимера: сначала Юлий Майориан (457–461), затем Либий Север (461–465). В 467 году под давлением Константинополя императором стал восточноримский полководец грек Прокопий Анфимий (Антемий)⁴³, и при таких обстоятельствах была организована последняя в истории крупная экспедиция армии и флота обеих частей империи – против королевства вандалов в Африке. Общая численность войска составила около 100 тысяч человек при более чем 1100 кораблях. Несмотря на первоначальные успехи, кампанию римляне проиграли: союзный римский флот, стоявший под Карфагеном, был ночью атакован брандерами вандалов

и почти полностью сожжен; остатки римских сил бежали. Неудачей завершилась и кампания Анфимия против вестготов в Галлии, куда император призвал войско бриттов с их королем во главе.

11 июля 472 года вступивший в конфликт с Рицимером Прокопий Анфимий был убит во время взятия Рима войсками своего могущественного «подчиненного», и в Италии началась настоящая чехарда с провозглашениями императоров, в которой сенат играл позорную роль безропотного орудия чужой воли.

Новым правителем с согласия Рицимера стал Аниций Олибрий, знатный сенатор, не так давно вернувшийся в беспокойную Италию из Константинополя. Через несколько месяцев они оба скончались в Риме от чумы. Летом 473 года власть на Западе захватил некий Глицерий, против которого восточные римляне выслали в Италию флот под началом далматинца Юлия Непота. Глицерий был низложен, а Юлий Непот, с благословения Константинополя, в июне 474 года стал последним западноримским императором, которого признавали и в Константинополе. Буквально через год восстал военачальник Флавий Орест. Непот выжил, но бежал к себе домой и там оставался императором, которому подчинялись только собственно Далмация и некоторые области Галлии. Орест возвел на трон собственного сына, подростка Ромула, получившего у современников презрительную кличку Августул⁴⁴. «И насколько за это время (с сере-

дины V века. – С. Д.) военное положение варваров окрепло и пришло в цветущее положение, настолько значение римских военных сил пало, и под благопристойным именем союза они испытывали на себе жестокую тиранию со стороны этих пришлых народов: не говоря уже о том, что последние бесстыдно вымогали у них против их воли многое другое, они в конце концов пожелали, чтобы римляне поделили с ними все земли в Италии», – сетовал Прокопий⁴⁵. Историк пишет о том, что летом 476 года германские наемники в качестве платы за помощь в изгнании Юлия Непота потребовали треть Италии для поселения – как ранее им пообещал Орест. Получив отказ, они подняли мятеж и провозгласили «конунгом» (то есть князем) Италии Одоакра, варвара, до этого воевавшего под командованием Ореста. В августе 476 года Орест был разгромлен возле Тицинума, схвачен и убит. Вскоре Одоакр взял Равенну, где находился императорский двор, и 4 сентября 476 года низложил Ромула, не организовав, однако, избрания новым императором своего ставленника.

Время для переворота было выбрано исключительно удачно: на Востоке шла гражданская война между законным императором Зиноном и его шурином Василиском, узурпировавшим трон в Константинополе. Соответственно, восточным римлянам было не до вмешательства в западные дела.

Римский сенат отправил в Константинополь посольство с просьбой дать Одоакру высокий титул патриция и оста-

вить его владеть Италией; одновременно к восточноримскому двору прибыли доверенные лица свергнутого Юлия Непота – также с просьбой о помощи. Вернувшийся к тому времени власть Зинов укорил римлян тем, что, получив двух императоров с Востока (Прокопия Анфимия и Юлия Непота), они первого убили, а второго изгнали. Он согласился, что Одоакр достоин быть патрицием, но предложил ему принять это звание от Непота, а сенаторам посоветовал не противиться последнему, когда тот вернется. Однако экс-император не захотел отправляться ни в Рим, ни в Равенну. Он остался в Далмации и в районе 480 года был убит своими же «комитами», то есть приближенными. То ли после низложения Ромула, то ли позже, после смерти Непота, Одоакр отослал императорские регалии – венец и пурпурную мантию – в Константинополь под тем предлогом, что миру довольно одного императора на Востоке.

Так или иначе, почти все земли Западной Римской империи вошли в состав варварских королевств, большинство которых, правда, признавали номинальное владычество далеких и блистательных василевсов, правивших в Константинополе⁴⁶. Из бывших римских земель варвары не сумели пока захватить лишь северную часть Галлии (между Луарой и Мазасом), находившуюся под властью наместника Сиагрия.

«Так вот Гесперийская империя римского народа, которую в семьсот девятом году от основания Рима держал первый из августов – Октавиан Август, погибла вместе с этим

Августулом в год пятьсот двадцать второй правления всех его предшественников, и с тех пор Италию и Рим стали держать готские короли», – подытожил готский историк Иордан, творивший во времена Юстиниана⁴⁷.

Восточная Римская империя

Как экономически, так и политически Восток оказался значительно более жизнеспособной частью государства. Там по-прежнему процветали ремесла и торговля, на высоком уровне оставалось сельское хозяйство, более или менее стабильно работала государственная машина. Да, общество менялось: рабов в деревнях становилось все меньше, а колоннов – все больше, сами деревни укрупнялись. Исследователи отмечают одновременный упадок городского хозяйства, но по сравнению с разгромленным варварами Западом это была мелочь. На землях Востока империи по-прежнему располагалось около тысячи городов, население крупнейших из которых – Константинополя, Антиохии, Александрии – насчитывало по нескольку сотен тысяч человек. В каждом городе, даже маленьком, обязательно были площадь-агора, церкви, портики, цистерны, общественные бани, иные общественные сооружения. Города связывались дорогами: несмотря на все неурядицы, транспортные пути содержались более или менее в порядке, исправно функционировала государственная почта, сетью станций покрывавшая всю страну. Но путешествовали не только государственные курьеры: любой свободный гражданин мог при необходимости проехать из конца в конец державы по своей надобности, будь то торговое дело, паломничество, визит к родственникам или судебная

тяжба. Поскольку расстояние между городами в обычных районах не превышало 20–30 (а в очень малонаселенных – 50) километров⁴⁸, добраться от одного до другого получалось даже пешком. Нормальным явлением считалось переселение в поисках работы. Кроме дорог сухопутных веками существовали морские пути. С эллинистических и римских, а то и с более ранних времен во множестве городов функционировали порты с прекрасно оборудованными гаванями. На Средиземном море – Диррахий, Салона, Фессалоника, Пирей, Александрия, Тир, Сидон, Кесария, на Черном – Синоп, Трапезунд, Херсонес, Боспор. Ну и, конечно же, Константинополь – средоточие морских путей.

Азиатскую часть варвары тревожили не слишком. Правда, там периодически возникала другая страшная угроза – персидская, – поскольку по Евфрату и в Армении империя граничила с сасанидским Ираном – цивилизацией, равновеликой и в культурном, и в военно-экономическом отношении⁴⁹.

После 395 года под властью Константинополя оказался собственно Восток (провинции в Малой Азии, Месопотамии, Аравии, Армении, Сирии, Палестине, Южный Крым, Абхазия, частично – Лазика), а также Балканы (кроме западной части) и лучшие области Северной Африки: Египет и Киренаика. С начала V века восточные императоры владели также Западной Грецией и территориями по восточному побережью Адриатического моря (Иллирик и Далмация),

чему не смог противостоять двор Гонория, даже привлекая на помощь варваров. Это очень большая территория, более 750 тысяч квадратных километров. Сегодня на ней разместились не менее двух десятков государств! Империя была обеспечена любыми видами природных ресурсов (ввозили разве что олово, шелк и некоторые виды драгоценных камней).

Восток еще в большей степени, нежели Запад, был многоэтническим: здесь жили сирийцы, копты, арабы, персы, армяне, евреи, грузины (ивирь), готы и десятки других племен. Но основное население Византии составляли греки: народ древней культуры и устойчивых государственных традиций. Греческий был *lingua franca* и в этом качестве преобладал почти везде, кроме Иллирика (где эти функции выполняла латынь) и глухой провинции. Впрочем, жители многих местностей, даже зная греческий, дома или с соплеменниками предпочитали общаться на родном языке: сирийском, армянском, арабском, еврейском. Латынь еще долго использовалась в армии, среди чиновников, юристов, в придворном церемониале⁵⁰.

Обособленной не национальной, но, если так можно выразиться, «социальной» группой было монашество, вбиравшее в себя людей любого происхождения. Начавшись в первой половине IV века, движение христиан-отшельников распространилось по всей стране. Однако не столь многочисленные и жестко подчиненные местным епископам монахи

Запада никогда не имели такого влияния, как их собратья на Востоке. В Египте, Сирии, Палестине или даже Константинополе монастыри оказывались вполне способными вести за собой народ, а порой и диктовать условия как церковным, так и светским властям. История Византии знает массу примеров такого рода.

Первый восточный император Аркадий умер 1 мая 408 года. Его правление было примечательно тремя вещами: ухудшением отношений с Западом по причине территориального спора из-за Иллирика (о чем рассказано выше), преследованием столичного архиепископа Иоанна Златоуста (одного из самых знаменитых проповедников христианства, ныне почитаемого святым) и тем, что опекуном своему сыну Феодосию II август назначил персидского шаха Йездигерда I.

Царствование Феодосия II (408–450) во многом было формальным: сначала за императора страной управлял префект претория Анфимий, затем определяющее влияние оказывали сестра, набожная августа Пульхерия, супруга августа Евдокия и временщик евнух Хрисафий. Но длилось оно более сорока лет и оказалось насыщенным разного рода событиями.

Как в западной, так и в восточной части страны постоянно приходилось укреплять оборону и воевать. Поскольку варвары оказались вполне способны угрожать уже и Константинополю, при Феодосии II (в два этапа – в 412 и 447 годах) построили мощную, с глубоким рвом перед ней, двойную сте-

ну. Шла она от Мраморного моря в сторону бухты Золотой Рог, немного не достигая района Влахерн, прикрытого болотами самой природой. Тогда же начали возводить и Морские стены по берегу Мраморного моря. Большая часть этих оборонительных сооружений сохранилась и в наши дни является одной из достопримечательностей Стамбула.

Восток при Феодосии Младшем отразил два масштабных натиска персов. Первый случился в 421–422 годах, когда армии шаха Варахрана V (сменившего Йездигерда I) напали на Месопотамию. Иран и Византия заключили мир, причем за персидскими христианами было закреплено право беспрепятственно исповедовать свою веру. Кроме того, одним из условий мирного договора стал пункт о денежном вкладе Византии в содержание укреплений в кавказских проходах⁵¹, которыми Иран, получалось, защищал от северных варваров не только себя, но и империю. Вторую попытку потеснить византийцев спустя 20 лет предпринял преемник Варахрана V Йездигерд II. В итоге снова был заключен мирный договор, примерно на тех же условиях, что и в 422 году.

В деле внутренней политики всё более важным фактором становились религиозные течения. В период с начала 430-х годов в Византии возникли и распространились два толка христианства – несторианство и монофиситство. В 431 году состоялся III Вселенский собор в Эфесе, осудивший несторианство, а в 449 году в том же Эфесе прошел «разбойничий собор» (названный так из-за насилия над его православными

ми делегатами со стороны оппонентов), поддержавший монофиситов. К моменту неожиданной смерти Феодосия (император оказался жертвой несчастного случая – упал с коня) проблема внутрехристианской распри стояла весьма остро.

Время Феодосия запомнилось и двумя событиями, не имевшими отношения к религии. Во-первых, в 425 году в Константинополе был основан Аудиториум – учебное заведение, которое считается первым средневековым университетом. Там учили латинской и греческой грамматике, риторике, а также юриспруденции и философии. Несмотря на подчеркнутую религиозность константинопольского двора и лично императора, Аудиториум был светским заведением (впрочем, язычники не могли быть его профессорами). Во-вторых, в 438 году от имени двух императоров вышел кодифицированный сборник римского права – так называемый «Кодекс Феодосия», продолживший более ранние документы аналогичного рода.

В Европе римлянам пришлось отбиваться от гуннов, но, как было упомянуто выше, история с ними завершилась в царствование преемника Феодосия II, Маркиана (450–457). При нем же (точнее, при Маркиане и соправительствовавшей ему Пульхерии) состоялся IV Вселенский собор в Халкидоне, отменивший результаты «разбойничьего» Эфесского собора.

На смену Маркиану пришел Лев I, человек незнатного происхождения, возведенный на трон по настоянию варва-

ра патрикия Аспара, самого могущественного восточноримского полководца того времени. Воочию наблюдая последствия всевластия германцев на Западе, Лев решил опереться на варваров значительно менее влиятельных и удаленных от обеих столиц – жителей малоазийской горной местности Исаврии. Сначала исавр Тарасикодисса, нареченный благозвучным именем Зинов, стал мужем императорской дочери Ариадны. Затем в 471 году Аспара и двух его сыновей казнили, а многие готы были изгнаны из армии и государственного аппарата.

Но готская проблема по-прежнему оставалась одним из источников неустойчивости в государстве, на сей раз – из-за остготов. Здесь стоит ненадолго задержаться, так как эта проблема будет иметь самое непосредственное отношение к правлению Юстиниана.

Итак, в своем движении на Запад гунны не только заставили сняться с мест вестготов, но и подчинили остготов, обитавших в Крыму и прилегающих областях. После смерти Атиллы между гуннами и подвластными им племенами произошла так называемая «битва на реке Недао», в результате которой последние (главным образом гепиды и остготы) сбросили гуннское ярмо.

После обращения остготов в христианство император Маркиан разрешил им поселиться в Паннонии и большая их часть перебралась туда и на соседние земли. Но вели они себя беспокойно. Подчинив племена, жившие к северу (све-

вов и остатки гуннов), остготы оказались сильнейшим варварским племенем римской Европы. Их столица располагалась в крепости Новы (ныне – болгарский Свиштов) на Дунае. Недовольные прекращением выплат в начале правления Льва I, они «...взялись за оружие и, пройдя почти по всему Иллирику, разграбили и разорили его. Тогда император сразу изменил свое настроение и вернулся к прежней дружбе; он послал (к трем одновременно правившим остготским королям из рода Амалов: Валамеру, Тиудимеру и Видимеру. – С. Д.) посольство и не только принес с последним и пропущенные дары, но и обещал в будущем выплачивать их без всякого пререкания; как заложника мирных отношений он получил от них сына Тиудимера Теодориха... он достиг тогда уже полных семи лет и входил в восьмой год жизни»⁵². Лев же прекратил выплаты остготам паннонским в ущерб остготам фракийским, которых возглавлял Теодорих, сын Триария, по кличке «Страбон» – «косоглазый». К тому времени именно последние составляли значительную часть восточноримской армии.

Около 471 года на историческую сцену вышел юный Теодорих, сын Тиудимера. Первое его «выступление» оказалось не вполне приятным для римлян: отбив у сарматского племени язигов бывший римский Сингидун (нынешний Белград), Теодорих не вернул его Льву, но закрепился там сам.

Меньшая часть паннонских остготов вторглась во владения Запада, которым правил тогда Глицерий. Этот импера-

тор перенацелил их с Италии на Галлию. В итоге пришлецы не захотели биться с родственными им вестготами и объединились с ними. Другая, большая, часть во главе с Тиудимером двинулась до Ниша. Взяв город, остготы продолжили свой путь на юг и вдоль рек Южной Моравы и Вардара дошли до Фессалии. Таким образом, родители Юстиниана, будь они местного происхождения (а это наверняка так), не понаслышке узнали о тяготах, связанных с нашествием варваров.

После казни Аспара в 471 году Теодорих Страбон восстал (использовав в качестве повода то, что он был племянником жены Аспара), но мятеж был подавлен. Затем, не позднее 474 года, Тиудимер скончался и власть над остготами получил его сын, знаменитый Теодорих Великий. В империи по-прежнему имелось два могущественных остготских вождя, и константинопольскому правительству следовало учитывать интересы обоих. Пока же Теодорих Страбон числился военным магистром конницы и пехоты и «автократором», то есть самодержцем готов.

18 января 474 года в Константинополе умер император Лев. Его преемником оказался стопроцентный варвар – тот самый Зино^{н53}, достигший при Льве самых высоких армейских постов – магистра войск Востока и магистра войск Фракии. Зинон заключил мирный договор с вандалами (и до кампаний Юстиниана конфликтов с ними более не было). Но не унимались остготы: Теодорих Страбон, выплаты которо-

му Зинон то ли уменьшил, то ли прекратил вообще, требовал золота и должностей.

Правление Зинона было достаточно бурным: военные мятежи и религиозные раздоры потрясали Восток.

С января 475 года по август 476-го Зинон пребывал вне столицы, которую захватил брат его тещи Верины Василиск. Теодорих Страбон поступил недальновидно, оказав поддержку узурпатору, который в конечном итоге проиграл. Зинон лишил его сана магистра и выплат, передав всё Теодориху Амалу. В 477 году «косоглазый» в очередной раз подступил с армией к столице. Император пытался противопоставить ему сына Тиудимера, но оба Теодориха сговорились, объединились и принялись шантажировать центральное правительство вместе. Союз этот, впрочем, не продлился долго: Зинон в очередной раз (и опять – временно) купил лояльность Теодориха Страбона богатыми дарами и назначением на очередную должность, отняв ее на этот раз у Теодориха Амала. Теперь уже тот начал грабить Дарданию (и, между прочим, взял Скупы). Таким образом регион, где жили родители Юстиниана, вновь стал ареной варварского вторжения. Затем готы Теодориха Амала дошли до Эпира и овладели его крупнейшим городом, Диррахием. Тут подошел римский военачальник Савиниан и запер их в прибрежной долине, перекрыв дороги на запад, шедшие по горным перевалам и ущельям.

Тем временем неугомонный Страбон в очередной раз по-

шел на Константинополь, используя в качестве предлога мятеж против власти исавров в столице⁵⁴. Мятеж этот был подавлен, но Зинону пришлось платить Теодориху за попытку оказать «помощь». Взяв деньги, Страбон не выдал бежавших к нему мятежников, за что был вновь лишен звания магистра. Он опять осадил Константинополь, но исаврийские войска отбросили неугомонного варвара от городских укреплений. Теодорих Страбон начал отход на запад и где-то по дороге, упав с коня, напоролся на торчащее из повозки готское копье, успокоившись таким образом навеки (481 год). Его люди пополнили отряды Теодориха Амала, тот вырвался из Эпира, разорил Македонию и Фессалию, дойдя до Лариссы, и снова начал угрожать столице империи. Зинон был вынужден дать готам для поселения земли в Прибрежной Дакии и Нижней Мезии (то есть по соседству с родиной Юстиниана), восстановил Теодориха в должности презентального военного магистра и пообещал ему консулат на 484 год.

С 482 года в Сирии и Киликии полыхала гражданская война: против законного императора восстал его могущественный земляк-варвар исавр Илл, облеченный властью магистра оффиций и консул 478 года. Провозгласив императором некоего Леонтия, восставшие заручились поддержкой императрицы Верины (вдовы Льва I) и к 484 году захватили Антиохию-на-Оронте. Зинон послал в Сирию армию под началом Иоанна Скифа и магистра Теодориха Амала. Мятеж

был подавлен, и в награду за помощь в борьбе против варвара-исавра Илла варвар-исавр Зиноп установил в Константинополе конную статую варвара-гота Теодориха и усыновил его «по оружию», то есть опять же по варварскому обычаю⁵⁵.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ К НАЧАЛУ V В.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ IV—V ВВ.

ПРЕФЕКТУРА ИЛЛИРИК

Диоцез Далкия

Провинции:

1. Мизия (Верхняя)
2. Далкия Прибрежная
3. Далкия Внутренняя
4. Дардания
5. Превалитания

Диоцез Македония

6. Эпир Новый
7. Эпир Старый
8. Македония I
9. Македония II
10. Фессалия
11. Ахайя (Эллада)
12. Крит

ПРЕФЕКТУРА ВОСТОК

Диоцез Фракия

13. Мизия II (Нижняя)
14. Скифия
15. Эммонот
16. Фракия
17. Родопа
18. Европа

Диоцез Понт

19. Вифиния
20. Павлиагония
21. Елленот
22. Понт Палемона
23. Галатия I
24. Галатия II
25. Каппадокия I
26. Каппадокия II
27. Армения I
28. Армения II

Диоцез Азия

29. Геллеспонт
30. Азия
31. Острова
32. Лидия
33. Фригия
34. Фригия II
35. Писидия
36. Ликаония
37. Памфилия
38. Кария

Диоцез Восток

39. Исаурия
40. Киликия I
41. Киликия II
42. Евфратисия
43. Месопотамия
44. Осроена
45. Сирия
46. Кипр
47. Финикия
48. Финикия
49. Палестина II
50. Аравия
51. Палестина I
52. Палестина III

Диоцез Египет

53. Августаманка
54. Египет
55. Арсация
56. Фиваида
57. Ливия Нижняя
58. Ливия Верхняя

Тем временем далеко на Западе завершилось варварское завоевание Галлии: в 486 году Сиагрий погиб, и его землями стал править вождь приморских франков Хлодвиг.

При Зиноп дворе и столицу заполонили земляки импе-

ратора, и савры, постепенно тесня германцев: готов, свевов или герулов. К моменту рождения Петра Савватия этим горцам жилось в столице и восточных провинциях вполне вольготно. Василевс положил своим соплеменникам выплаты из бюджета, составлявшие, по разным данным⁵⁶, от полутора до пяти тысяч либр золота ежегодно – то есть от 490 до 1635 килограммов! Понятно, что такое не нравилось не только терпящим привилегии германцам, но и самим римлянам.

Нараставшее напряжение Зинов решил снять «маленькой победоносной войной»: присоединить Италию. Впрочем, такое объяснение дальнейших действий восточных римлян чересчур решительно и является упрощением. На самом деле для того, чтобы начать италийскую кампанию, у императора могло быть множество причин. Во-первых, вопрос престижа: Константинополь не имел права мириться с тем, что колыбелью римской государственности, Римом и Италией, правил, причем официально, не просто варвар (Зинов сам был таким), но какой-то пришлый. Во-вторых, Зинов и его советники могли связывать со свержением Одоакра самые радужные надежды. Например, поставить на Западе очередного императора и даже (а вдруг!) восстановить власть над Галлией. В-третьих, восточноримский двор мог элементарно попробовать сэкономить на содержании готского воинства, предоставив ему право несколько лет кормиться с военной добычи. Наконец, готов просто было слишком много, и, случись крупная военная операция, сила этих воинственных и

неудобных союзников была бы ослаблена при любом исходе. Нуждался в походе и Теодорих: его варвары привели в расстройство хозяйственную жизнь Паннонии и Дакии. Говоря образно, они, подобно саранче, объели одни земли и отчаянно нуждались в новых. Вот как вкратце излагал канву событий Иордан: «... Теодорих, состоя в союзе с империей Зинона и наслаждаясь всеми благами в столице, прослышал, что племя его, сидевшее, как мы сказали, в Иллирике, живет не совсем благополучно и не в полном достатке. Тогда он избрал, по испытанному обычаю своего племени: лучше трудом снискивать пропитание, чем самому в бездействии пользоваться благами от Римской империи, а людям – прозябать в жалком состоянии. Рассудив сам с собою таким образом, он сказал императору: “Хотя нам, состоящим на службе империи вашей, ни в чем нет недостатка, однако, если благочестие ваше удостоит [меня], да выслушает оно благосклонно о желании сердца моего”. Когда ему с обычным дружелюбием была предоставлена возможность говорить, [он сказал]: “Гесперийская сторона («Hesperia plaga» – Италия. – Прим. пер.), которая недавно управлялась властью предшественников ваших, и город тот – глава и владыка мира – почему носят они, как по волнам, подчиняясь тирании короля торкилингов и рогов (тираном Иордан называет в данном месте «короля торкилингов и рогов» Одоакра, полновластно распорядившегося Италией с 476 года. – Прим. пер.)? Пошли меня с племенем моим, и если повелишь, – и здесь освободо-

дишь себя от тяжести издержек, и там, буде с помощью господней я одержу победу, слава благочестия твоего воссияет. Полезно же, – если останусь победителем, – чтобы королевством этим, по вашему дарению, владел я, слуга ваш и сын, а не тот, неведомый вам, который готов утеснить сенат ваш тираническим игом, а часть государства [вашего] – рабством пленения. Если смогу победить, буду владеть вашим даянием, вашей благостынею; если окажусь побежденным, благочестие ваше ничего не потеряет, но даже, как мы говорили, выиграет расходы”. Хотя император с горечью отнесся к его уходу, тем не менее, услышав эти слова и не желая опечалить его, подтвердил то, чего он добивался, и отпустил, обогащенного многими дарами, поручая ему сенат и народ римский»⁵⁷. Зинон пообещал Теодориху в случае победы даровать сан патриция и оставить управлять Италией.

Так или иначе, осенью 488 года большая часть восточно-римских остготов во главе с Теодорихом, сыном Тиудимера, по велению императора отправилась в Италию.

Варвары двинулись почти всем народом: воины, их семьи, слуги и рабы. Люди вели с собой скот и везли на повозках имущество. Эта многочисленная рать начала свой путь в остготской столице Новах и пошла старой римской дорогой: вдоль правого берега Дуная, затем через Сингидун, Сирмий, Сисцию и Аквилею⁵⁸.

После нескольких кровопролитных сражений готы одержали верх над силами Одоакра и осадили его в Равенне. 27

февраля 493 года город сдался. Одоакр оговорил себе жизнь, но он не знал, что имеет дело с человеком, для которого нарушение клятв является обыкновением. Через несколько дней Теодорих отдал приказ перебить значительную часть сановников, да и просто воинов Одоакра, его же зарубил собственноручно.

Еще до низложения Одоакра римский сенат отправил посольство в Константинополь, прося дать Теодориху «знаки царского достоинства». Не дождавшись ответа, готы, взяв Равенну, провозгласили его конунгом Италии. Восточный двор признал Теодориха владыкой завоеванных территорий, но лишь спустя несколько лет правления преемника Зинона, Анастасия.

Помимо войн царствование Зинона было отмечено обострением религиозного противостояния. Важнейший из конфликтов разгорелся между монофиситами и православными. Это неоднократно приводило к кровавым столкновениям в египетской Александрии, являвшейся оплотом монофиситства. Попыткой примирить враждующие стороны стал «Декрет о единстве», или «Энотикон», изданный от имени императора в 482 году⁵⁹. Документ требовал, чтобы христиане признавали решения трех первых Вселенских соборов, а дальнейшие споры запрещал. Получалось, что император исподволь объявил несущественными решения Эфесского II и Халкидонского соборов. Вместо примирения документ вызвал сильнейший раскол. Крайних монофиситов

«Энотикон» не устраивал, поскольку прямо не осуждал Халкидонского собора. Православные же такое «замалчивание» восприняли как скрытую анафему, смелости высказать которую открыто у императора и константинопольского патриарха Акакия не хватило. Таким образом, они выглядели не миротворцами, а жуликами. Против «Энотикона» выступил папа Симплиций (ум. 483), а его преемник Феликс III обострил конфликт и, разойдясь вдобавок с патриархом Акакием по вопросам полномочий, отлучил последнего от церкви (тот же, в свою очередь, отлучил папу)⁶⁰. Разбираться с этой проблемой как раз и пришлось Юстиниану.

На правление Зинона также пришлось убийство взбунтовавшейся толпой антиохийского патриарха Стефана III (479) и восстания самаритян в Иудее (484).

Но главным событием тех лет для нас с вами, уважаемые читатели, будет то, которое современники оставили совершенно незамеченным: рождение мальчика Петра Савватия.

Юстиниан: жизнь и дела (482–565, император с 527)

Ничто не совершается без греха. Лишь Богу ведомо, где Бог...

...От века Бог не подвигал людей на дела, согласные со смыслом. Это Он предоставил им самим. Пускай покупают и продают, исцеляют и владычествуют. Но вот из сокровеннейших глубин доносится глас, который повелевает содеять нечто совершенно бессмысленное: построить корабль на суше, воссесть на гноище, жениться на блуднице, возложить сына на жертвенный алтарь. И тогда, если у людей есть вера, рождается нечто новое...

...Я должен был строить, повинаясь лишь своей вере, не слушая ничьих советов. Другого пути не было. Но при этом люди притупляются, как плохой резец, или срываются, как топор с топорща.

У. Голдинг. Шпиль

Раннее детство: 482—489

В 482 году в провинции Дардания диоцеза Дакия префектуры Иллирик Восточной Римской империи появился на свет некто Петр Савватий⁶¹. Позже, усыновленный своим дя-

дей, он станет Юстинианом, затем получит императорский трон и сойдет в могилу через тридцать восемь лет правления, изменив Византию кардинально. Впрочем, не будем забегать вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.